

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТАЯ

«На основании ст. 2 Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий от 14 апреля 1993 года Дейнеко (Чабан) Мария Михайловна, 1932 года рождения, незаконно высленная в административном порядке в составе семьи по социально-политическим мотивам 21.10.1947 года, по достижении шестнадцатилетнего возраста состояла на спецучете в органах НКВД-МВД на территории Кемеровской области без права на передвижение по 08.05.1957 г., признана жертвой политических репрессий, т. е. реабилитирована».

Читаю эти скупые строчки справки о реабилитации и никак не могу понять, какими же были эти социально-политические мотивы, которыми руководствовались энкavedешники, высялая трех сирот семнадцати, пятнадцати и одиннадцати лет из родного дома в неведомые края? До сих пор не может понять этого и Мария Михайловна. Семья ее была очень далека от политики. Все усилия были направлены лишь на то, чтобы прокормиться, многолетняя сельская семья всегда испытывала недостаток. В 43-м умерла мама, годом позже - отец. Шестеро детей остались сиротами. Выжили только благодаря тому, что родители приучили их к труду. Старшие устроились на работу, трое младших - управлялись по дому. В свои одиннадцать лет Мария Михайловна умела убирать в доме и сварить обед, постирать и испечь хлеб.

Время потихоньку расставляло вес по своим местам. Стала забываться война. Старшие брат с сестрой создали свои семьи. Ничто не предвещало беды, а она была рядом. Мария Михайловна запомнила тот злополучный день до мелочей. Два старших брата с сестрой уехали в соседнее

село на свадьбу к родственникам, трое младших остались дома. С вечера маленькая хозяйка поставила опару для хлеба, уложила братьев спать. Около трех часов ночи она проснулась и понялась, чтобы вымесить тесто, и вдруг вздрогнула от громкого стука в дверь. Непуганная незадолго до этого вот так же ночью ворвавшимся к ним в дом бандитами, утаившими из дома все, что в нем было более или менее стоящее, она долго не открывала, однако настойчивость людей в штатском свое взяла. Войдя в дом, они приказным тоном велели ей разбудить братьев, собраться, взять с собой теплые вещи и еду. Особой еды в доме не было, даже хлеб не успела испечь, в спешке прихватила перину и кое-какое тряпье. Сначала их привели в сельсовет, оттуда - на железнодорожную станцию, где уже стоял поезд с телячьими вагонами, в которые загоняли столпившихся на перроне таких же, как они, растерянных людей с нехитрыми пожитками.

Семнадцать суток в темных, вонючих холодных вагонах казались ей вечностью, а голодный желудок не давал уснуть. Тот страшный рейс выдержали не все. Она и ее братья выдержали. Тогда они еще не знали, что это только нача-

ло их новой и такой жуткой жизни. В Кемеровской области в начале ноября уже стояли сильные морозы. На их родине, в Львовской области Украины, таких холодов никогда не было. В легкой одежке было невыносимо холодно. Но еще более невыносимым был голод. Старшего семнадцатилетнего брата отправили на работу на лесопилку, а Мария с младшим братом поначалу не работали, а значит, оставались на крошечном пайке. Прихваченные из дома вещи пришлось поменять на хлеб. Но его хватило ненадолго. Сколько бы так удалось протянуть, сказать трудно. Однако на их счастье на помощь пришел добрый, отзывчивый человек, бухгалтер совхоза. Поначалу он стал писать письма в Москву о помиловании детей, но убедившись, что положительного ответа не будет, посоветовал детям бежать домой. Чтобы было не так заметно, решили поначалу отправить домой братьев. Он сам купил им билеты до места и отвез на станцию. Уже потом через много лет узнала Мария Михайловна, с каким трудом удалось им добраться до дома. В поезде без коня проверяли документы пассажиров. Попутчики, узнав о судьбе ребят, помогали им, как могли, прятали в ящике для багажа, в тамбуре, пришлось им даже несколько остановок проехать под вагоном. Что и говорить, промерзли до костей. И это очень скоро отразилось на их здоровье. До дома доехали, но долго пожить на родной земле не пришлось.

А в это время Марию мучили допросы, угрожали, заставляли признаться, куда делись ее братья. Она стояла на своем - не знаю, не видела, сама же меняла получаемые карточки на деньги, готовясь тоже тайно уехать домой. Только судьба не дала ей шанса на побег. В стране объявили денежную реформу, и всех ее денег, накопленных на билет, едва хватило на буханку хлеба. Экономия же на пайках дала о себе знать - от голода подкашивались ноги, в глазах темнело. А когда однажды пошла отоваривать хлебную карточку и с ужасом обнаружила, что ее в кармане не оказалось, упала на улице, потеряв сознание. Очнувшись в незнакомом доме. Возле нее суетились мужчина с женщиной и двое ребятшек. Оказалось, глава этого семейства возвращался домой с работы, увидел замерзшую на снегу девушку и принес ее домой. Хоть и жилось этой семье нелегко, но она с готовностью разделила свой скудный паек на пять равных частей. Когда поправилась, в коммунаре ее тут же от-

кой же по возрасту пятнадцатилетней девочкой их определили на лесоповал. Спилить дерево, обрубить все ветки и сучки, распилить ствол на чурки, порубить их на дрова, погрузить и отвезти на тележке с быком в совхоз - такая работа не каждому мужчине под силу. Но деваться некуда, контроль самый строгий. Там, на лесоповале, получила Мария Михайловна серьезную травму ноги. На псе со всего маху упало дерево, да так, что один из сучков пробил сапог и стопу ноги насквозь и застрял там. Пожаловаться некому, врача поблизости не было, здоровье и жизнь ларевой рабочей силы никого не волновали. О том, какую боль пришлось ей пережить в те несколько дней, даже сейчас Мария Михайловна вспоминает с содроганием. Хозяевам хаты, где она жила на квартире, жаловаться не хотела, жалко было тревожить стариков. Но когда поняла, что терпения больше нет, выползла из дома и поползла к дому ветеринара, с его женой, доброй и чуткой женщиной, она была немного знакома, и стала умолять его о помощи. Глянув на ногу, тот, видимо, понял, что тянуть дальше некуда, разрезал уже изрядно разбухшую и загноившуюся ногу и вытаскил сучок. Сколько жила Мария Михайловна в том селе, столько старались помочь своим спасителям. Когда случилось, что Зоя осталась одна с маленькими детьми, Мария Михайловна даже решилась пойти ради них на преступление. Увидев, что дети голодные, она взяла мешок, прокралась на совхозный склад, залезла через люк в подвал, набрала с ведра два картошки и принесла им. На возглас хозяйки: «Тебя же могли поймать и посадить в тюрьму», она с безразличием ответила: «А я бы хотела, чтоб меня посадили, там меня хотя бы будут кормить».

Это было сказано совершенно искренне, ей действительно было все равно, она устала жить в нищете, голоде, холоде и от непосильной работы.

Между тем время шло. Из неуклюжего подростка Мария превратилась в привлекательную девушку, на которую стали заглядываться парни. Один из них, Николай, то же из репрессированных, кетати, из тех же мест, что и она, не давал ей прохода. Все бы ничего, может, и вышла она за него замуж сразу, да только услышала о том, что его мать категорически против невестки-гольфы, и долго не соглашалась. Внутренний голос говорил ей, что при таком к ней отношении счастья в доме не будет. Он же, назло ей, успел дважды жениться, но семейная жизнь не склады-

распалась. Наконец, его родные смирились и уговорили ее сойтись с Николаем. Жили в отдельном домишке, в мире и согласии, на поджучивания матери он не обращал внимания, любил и жалел Марию, помогал ей во всем. Родились трое ребятшек. Вроде все складывалось прекрасно, если бы не одно «но». Будучи добрым, безотказным, Николай помогал соседкам выполнять мужскую работу - кому крышу подправит, кому сено погрузит, кому дров наколет. А расчет у всех один - бутылка самогонки. Все чаще стал он приходить домой навеселе. Начались ссоры. Чтобы сохранить семью, уговорила она мужа уехать в Украину, затем в Казахстан, снова в Украину, но это не помогало, он шил все больше, работать не хотел. Отправила она его снова в Казахстан, сама осталась в Украине, решила, что больше с ним жить не будет. Но дети скупали по отцу, просились к нему. Как получают письмо, почитают и покоя матери не дают - уговаривают маму поехать к отцу. В конце концов материнское сердце не выдержало, собралась и поехала. Когда увидела его на вокзале пьяным, поняла, что сделала большую глупость, но назад хода не было.

Семнадцать лет прожили они с Николаем. Нажили еще дочку. А через несколько лет его не стало. Ей было не привыкать тянуть семью одной. Работала где придется - няней, поваром, сторожем. Доработала до пенсии, а потом из села Тельманского переехала в Молодежную. Судьба безжалостно преподнесла ей новые и новые испытания - похоронила двух сыновей, одного еще в детстве задавило трактором, другой умер взрослым. Правда, двое оставшихся детей и внуки с лихвой компенсируют ей все переживания, заботятся, постоянно навещают, помогают материально, ведь на ее одиннадцать тысяч пенсионных, добротно не поживешь, тем более, что пережитое в молодости даст о себе знать - невыносимо болят ноги, пошаливает сердце, скачет давление и на лекарства уходит немало денег. Но нужно отдавать должное Марии Михайловне, недугам она не поддается, всегда находится в добром расположении духа, общается с соседями, се дверь, как и сердце, всегда открыты для тех, кто приходит к ней с миром.

Е. ВРОНА.